

ПЕРСПЕКТИВЫ АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ СТЕПНОГО КРАЯ В КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рост масштабов аграрной колонизации в связи с переселенческим движением стимулировал обсуждение вопроса о перспективах освоения территорий Степного края во властном сегменте общественно-политического дискурса. В имперской системе координат распространение на отдалённых окраинах земледельческих практик являлось закономерным продолжением военной колонизации. В то же время в пределах степных областей Западной Сибири процессы аграрной колонизации развивались в условиях сложного и многоцветного этнического и конфессионального фона. Вследствие такого положения вещей проблема перспектив аграрной колонизации региона вызвала неоднозначную реакцию участников дискурса – представителей высшей центральной и региональной бюрократии. В ходе дискурса произошло оформление прогрессивного и сдержанного подходов к оценке аграрных перспектив Степного края, что во многом определило модели инкорпорации региона в общеимперский конструкт.

Ключевые слова: аграрная колонизация; Степной край; имперский дискурс; акторы власти.

В российском имперском дискурсе проблема колонизации южных степных областей Западной Сибири приобрела выраженную актуальность в начале XIX в. Именно в этот период Степной край, как географическое и геополитическое пространство, начинает рассматриваться представителями власти и общества в качестве важного связующего элемента между Россией и Востоком, объекта столкновения экономических и политических интересов различных государств. В этой связи представляется важным выявление факторов и условий материализации государственного интереса к слабоосвоенным в земледельческом отношении территориям, что находило проявление в отдельных высказываниях, программах и проектной деятельности акторов власти, направленных на постепенную интеграцию степных пространств в имперский конструкт.

Рассматриваемый нами период, с точки зрения становления основ властного сегмента общественно-политического дискурса, значительно выдвигается за границы заявленных хронологических параметров статьи. Во многом это связано с тем, что именно в начале XIX в. стартует постепенное распространение пределов русских владений вглубь киргизских степей, сопровождаемое, во-первых, попытками ассимиляции автохтонного населения с русским казачеством, а во-вторых – мерами по увеличению численного состава Сибирского казачьего войска, рассматриваемого властями в качестве базиса гражданственности в границах степных районов. Степные области Западной Сибири всё чаще оказываются в ракурсе большой имперской политики. Административно-территориальные преобразования в масштабах всей Сибири, составлявшие важную часть программы реформ М.М. Сперанского, выделение Западно-Сибирского генерал-губернаторства с включением в него Акмолинской и Семипалатинской областей, последующая в 1840-х гг. реформа государственной деревни графа П.Д. Киселёва, стимулирующая переселенческое движение, попытки упорядочения политической и уголовной ссылки, активизация правительственной деятельности в Казахстане и Средней Азии – вот далеко не полный перечень мероприятий, демонстриру-

ющих эскалацию геополитического и экономического интереса центра к отдалённой окраине.

По справедливому замечанию авторского коллектива монографии «Сибирь в составе Российской империи», «империя, включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, начинала, прежде всего, её властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения. В зависимости от политических и экономических перспектив перемещались в сибирском пространстве и военно-административные центры... важным был не только процесс формирования внешних и внутренних границ, но и “оцентрирование” новой территории» [1. С. 20].

В этом смысле процесс «присвоения» отдалённых территорий в традициях государственного подхода, содержание которого можно определить метафорой «Московия на Востоке» [2. С. 118–260], сочетался с региональной спецификой: географической отдалённостью окраин, полиэтничным и поликонфессиональным составом населения и т.д. Именно региональная специфика и определяла ключевые позиции и основные расхождения в подходах по принципиальным вопросам колонизации степных районов Западной Сибири.

В продолжение XIX в. представления центральной и региональной власти в отношении сибирских автохтонов, сохраняя в целом свою охранительную направленность, отличались важными изменениями, существо которых определялось ходом и логикой колонизации. Естественным фоном, при котором эти изменения происходили, являлся количественный рост славянского населения вследствие миграций, сохранявшейся пенитенциарной и ссыльно-каторжной практики, естественного прироста населения. Фактор сокращения доходов от добычи «мягкой рухляди» приводил к смене хозяйственных приоритетов государства и в конечном итоге к переориентации регионального народно-хозяйственного комплекса на другие отрасли. Если в горных районах Сибири в эпицентре внимания государственных структур оказывалась горнодобывающая промышленность, то в степных

областях ставка делалась прежде всего на организацию и распространение земледелия.

Показательно, что с завершением реформационных мероприятий М.М. Сперанского, учреждением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и созданием генерал-губернаторского корпуса тема земледельческой колонизации с «оглядкой» на урегулирование «инородческого» вопроса становится одной из центральных в масштабах властного аспекта общественно-политического дискурса. По сути дела, предметом обсуждения становятся две проблемы: необходимость и способы колонизации степных областей и влияние аграрного освоения региона на коренное население и кочевое хозяйство.

Хорошо известно, что вопрос о распространении земледелия в степных областях, привлечение к его развитию коренного населения, не говоря уже о возможностях расширения практик переселенческого движения, вызывал определённые опасения среди высшей бюрократии края, что находило отражение в частой смене программных установок представителей сибирской администрации. Так, в период генерал-губернаторства П.М. Капцевича (1822–1827) программные декларации о преобразованиях в управлении казахскими степями и распространении хлебопашества среди сибирских казаков и казахского населения остались лишь благими намерениями. Кроме того, современники неоднократно отмечали факты административно-принудительного подхода к организации хлебопашества в степных областях в этот период: «...в каком именно редуте, форпосте или крепости, сколько десятин должно быть засеяно овсом или рожью; каким числом лошадей и орудий, и в какое время произвести все работы...» [3. С. 9]. Генерал-губернатор П.Д. Горчаков (1836–1850), напротив, полагал, что развитие хлебопашества у казахов является политически вредным. В записке об упразднении Омской области в 1838 г. он указывал, что земледелие дало бы казахам свой хлеб и тем самым «расторгнуло бы главнейшую цепь зависимости их от России, прочностью своею далеко превосходящую прочие способы нашего над ними владычества» [4. С. 508]. Именно в период губернаторства П.Д. Горчакова, отмеченный реформами государственной деревни в России и, как следствие, ростом крестьянских переселений, впервые на уровне высшей региональной бюрократии были озвучены опасения в связи с эскалацией миграционного движения в степные районы.

Лишь начиная с правления Г.Х. Гасфорда (1851–1860) и А.О. Дюгамеля (1861–1866) наметились некоторые сдвиги в отношении высшей власти к перспективам аграрной колонизации степных областей, что объяснялось как появлением новых тенденций в государственной колонизационной политике империи, так и их практическими результатами, непосредственно коснувшимися степных местностей Западной Сибири. Опыт, приобретённый имперской властью в процессе реализации закона 1843 г. (распространение на Сибирь «Правил об общем порядке переселения казённых крестьян»), продемонстрировал власти масштаб возможностей решения вопроса о крестьянском мало-

земелье в центре страны. С 1838 по 1855 г. в Западную Сибирь прошло более 90 тыс. переселенцев [5. С. 56]. Однако власти, предоставляя льготы малоземельному крестьянству, втягивавшемуся в переселенческий процесс, оказались не готовы к дальнейшему росту миграционных потоков и организации контроля за переселенческим движением. Всё это моментально нашло отражение во властном сегменте дискурса. Так, чиновник по особым поручениям МГИ Н.Я. Смирнов обеспокоенно писал, что «переселение крестьян в Сибирь при значительных затратах пользы правительству не принесёт. Переселенцы будут сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет свою цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?» [6. Л. 115]. Влиятельный чиновник Министерства императорского двора Е.К. Мейендорф полагал, что «новые наши приобретения на востоке отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей, в которых, конечно, у нас нет излишества; предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех наших новых поселений, мы этим только будем спешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний» [7. С. 36].

Тем не менее неуклонно происходящий рост аграрных переселений и масштабов крестьянской колонизации постепенно видоизменял тональность и усложнял содержание властного дискурса, поскольку новая ситуация, сопровождавшаяся притоком русских мигрантов, вполне корреспондировала с моделью «собственнической» позиции власти в отношении коренных народов и традиционных практик русификации окраин. Не случайно именно в 1850–1860-х гг. усилиями местной сибирской администрации происходит активизация русской имперской политики во вновь приобретённых казахских землях. По инициативе Г.Х. Гасфорда для удобства в управлении Сибирско-Киргизской степью были образованы две новые области: Сибирских киргизов и Семипалатинская с областными правлениями в Омске и Семипалатинске; в 1859–1861 гг. преобразовано Сибирское казачье войско, в 1850-х на Иртыше стало развиваться пароходство. И.Ф. Бабков, размышляя о времени генерал-губернаторства А.О. Дюгамеля, отмечал, что «несмотря на его [Дюгамеля] миролюбивую политику, ни при одном генерал-губернаторе Западной Сибири не было сделано столько земельных приобретений, сколько при нём» [8. С. 340].

Симптоматично, что продвижение русского государства в направлении Степного края, выразившееся в военных приобретениях, сосуществовало с изрядной долей скепсиса в отношении распространения здесь земледелия. Достаточно сказать, что, например, А.О. Дюгамель, будучи знатоком восточного вопроса, заявлял: «Несмотря на то что встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевым племенем» [9. С. 12]. В 1873 г. Акмолинский губернатор В.С. Цытович, в ответ на рассуждения во всеподданнейшем отчёте о необходимости «соединить в развитии в кочевом населении русской цивилизации и просвещения» по-

средством реализации «возможности соприкосновения киргизских зимовых стойбищ с оседлыми поселениями», получил от генерал-губернатора А.П. Хрущёва резолюцию: «Утопия» [10. Л. 309].

Следует отметить, что дискурс, связанный с определением возможностей колонизации степных территорий Западной Сибири, развивался в условиях своеобразного фона, исторического контекста, в рамках которого естественный рост переселенческого движения остановить было уже невозможно. Значительный прилив крестьянского населения в степную часть Западной Сибири существенно способствовал «слому» исключительно консервативно-запретительных подходов к аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX в. Косвенно этому содействовал наметившийся в 1850–1860-х гг. процесс усиления взаимодействия центральной власти с высшей региональной бюрократией по вопросу о перспективах и способах интеграции коренного населения в состав российского социума. 17 апреля 1852 г. под председательством князя А.И. Чернышёва учреждён II Сибирский комитет, деятельность которого проявлялась в наиболее рельефном сотрудничестве.

Включение в состав созданного учреждения министров императорского двора, внутренних дел, юстиции, финансов, иностранных дел и т.п. придало комитету широкие полномочия и предоставило определённые преимущества в деле реализации государственного подхода к решению сибирских вопросов, в том числе затрагивающих и колонизацию степных областей Западной Сибири.

Одной из важнейших задач II Сибирского комитета являлось выстраивание приоритетов в осуществлении окраинной политики. В этой деятельности центральное место занимал вопрос, касающийся «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского и, в частности, «Устава об управлении инородцев» [1. С. 107–111]. В первой части работы комитета наблюдалось стремление поднять авторитет и значимость высшей губернской аристократии. С этой целью комитет стремился свести к минимуму общение министерств с губернскими учреждениями, минуя собственно генерал-губернаторскую власть. Несмотря на половинчатость многих решений, II Сибирскому комитету удалось расширить круг полномочий генерал-губернаторской власти, значительно сузив поле правомочий местных властей, традиционно саботировавших вопросы о крестьянских переселениях в Степной край и распространении здесь земледельческих практик. В плане систематизации отношений русского и инородческого населения, а также фиксации основ аборигенной политики, в процессе работы II Сибирского комитета отчётливо наблюдалось стремление не только сохранить, но и активнее реализовывать принципы, провозглашённые М.М. Сперанским. В свете проблемы аграрной колонизации региона это было чрезвычайно важным, поскольку формы организации управления инородческими улусами тесно соприкасались с целями и задачами имперской политики на окраинах страны. В результате в ходе работы II Сибирского комитета его участникам уда-

лось отстоять генеральное направление «Устава об управлении инородцев», предполагавшего перспективную интеграцию народов Азиатской России в социально-экономическую структуру российского государства. Важным тактическим ориентиром в практическом содействии реализации «Устава» в новых исторических условиях колонизации стал принцип «соответствия учреждения духу и судьбам народа» [11. С. 398]. При этом система управления кочевым и бродячим населением, с одной стороны, учитывала особый образ жизни инородцев, с другой – их родоплеменное устройство было приведено в соответствие со схемой крестьянской волостной организации и волостного сельского самоуправления.

Таким образом, к середине 1870-х гг. в основном была подготовлена почва для принятия практических решений в области аграрного вопроса, применительно к степным местностям колонизируемого региона. По сути дела, впервые Степной край Западной Сибири, становится плацдармом реализации имперских проектов по его «правильной» колонизации с акцентом на аграрное освоение.

Характерно, что и во властном дискурсе периода по вопросам аграрной колонизации Степного края оказались запечатлены модели сотрудничества региональной и центральной бюрократии, а также большая свобода высших региональных чиновников в принятии текущих решений, некоторая независимость от центра, что выражалось в активном привлечении к практической работе представителей научного сообщества региона.

Отправной точкой, определившей активизацию властного формата общественно-политического дискурса, связанного с проблемами аграрного освоения края и решением инородческого вопроса на новом этапе, можно считать представленный по случаю вступления в должность генерал-губернатора Западной Сибири Всеподданнейший отчёт Н.Г. Казнакова, в котором тот отмечал, что «положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства, успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны... Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах огромные орбиты своих кочёвок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию...» [12. Л. 232]. И далее: «Осторожно, по возможности без стеснения кочевников, водворение среди киргизских степей русского оседлого населения представляется единственным средством, могущим смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [Там же. Л. 232–232 об.]. Привлечённый Н.Г. Казанаквым к решению «степного вопроса» старший чиновник особых поручений и в будущем видный член ЗСОИРГО Н.Н. Балакшин писал: «Особенно выгодно было бы водворить русских поселенцев на северном склоне Акмолинской и Семипалатинской областей. Эта обширная местность, заключая в себе много удобств для хлебопашества, притом без орошения полей, представляет вместе с северною частью Оренбургского края естественное продолжение сибирской земле-

дельческой полосы [12. Л. 561], с расширением которой Сибирь наиболее сплотилась бы с восточной окраиной Европейской России. Осторожное водворение русских в означенной местности с течением времени уравнило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент и не только не вызывало бы никакого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив, послужило бы, по мнению моему, к их же обеспечению в экономическом отношении, усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения. Но чтобы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке» [Там же. Л. 558–561].

Обращает на себя внимание тот факт, что в записке Н.Н. Балакшина содержится важное положение, отражающее изменение во взглядах чиновничества, непосредственно включенного в решение вопроса об аграрной колонизации степной части Западной Сибири, в связи с жизнедеятельностью кочевого хозяйства. По определению исследователей А.В. Ремнёва и Н.Г. Суворовой, Балакшин в означенном документе репрезентировал не только цивилизаторский взгляд на кочевое хозяйство, но и представил вариант его «народнической» интерпретации [5. С. 126]. Так, у Н.Н. Балакшина читаем: «При таком порядке заселения степей (имеется в виду организация небольшого числа дворов, расположенных на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, что позволило бы установить сообщение между степными городами) постепенно образовались бы земледельческие полосы, которые разделяли бы собою сплошное киргизское кочевье на отдельные пространства. В этих пространствах киргизы могли бы беспрепятственно продолжать свой кочевой образ жизни, а желающие между ними обратиться к земледелию имели бы доступ к водворению по соседству с русскими поселениями или же распаивали бы поля около своих зимовок. Таким образом, киргизы присматривались бы к условиям оседлого быта, сближались бы с русскими и перестали бы оставаться чуждым России племенем» [12. Л. 561–562].

Тем самым Н.Н. Балакшин, будучи представителем властных структур, озвучил расхожий в либерально-публицистическом дискурсе «гуманный» вариант развития русского земледелия в степи без ограничения интересов кочевников, что в значительной степени сблизило официальный и либеральный сегменты дискурса по вопросам аграрной колонизации степных пространств с учётом инородческого фактора. В изысканиях Н.Н. Балакшина, нашедших предметное выражение в его научной монографии «О киргизах и вообще подвластных России мусульманах» (СПб., 1887), это сближение обозначилось ещё отчетливее в идее о «взрослении киргизского населения» при посредничестве организации в степи русских крестьянских посёлков. По данному поводу Н.Н. Балакшин констатировал, что государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания «заповедного для рус-

ских киргизско-мусульманского государства» [13. Л. 38]. В данной связи стоит сказать и о том, что аргументация чиновника относительно катастрофической перспективы образования «киргизско-мусульманского» государства в преддверии очередной Русско-турецкой войны не могла быть не услышана представителями высшей административной бюрократии, тем более что Н.Н. Балакшин, говоря о мерах «сопровождения» аграрной колонизации степи, регулярно прибегает к понятной и общепринятой в текущий момент риторике: «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях... уравнило бы в степях мусульманский элемент русскою народностью» [12. Л. 652–652 об.].

Проекты, ориентированные на ускорение «взросления киргизского населения» и воплощение в жизнь «гуманного» варианта распространения земледелия в границах кочевых владений, дискурсивно отражены в отчётах и переписке губернаторского корпуса Степного края Западной Сибири. Акмолинский губернатор генерал-майор В.С. Цытович в отчёте генерал-губернатору Западной Сибири предлагал ввести в степных районах полуоседлый образ жизни: «Запретить киргизам кочевать, – писал он, – значит уничтожить их скотоводство, т.е. главный и единственный источник благосостояния. В отдалённом будущем, может быть, они откажутся от кочевания, но это возможно будет только тогда, когда они найдут другой более верный и более обильный источник для поддержания своего благосостояния. Чтобы привести их к этому источнику, необходимо постепенно, но настойчиво знакомить их с выгодами оседлой жизни, земледелием и промыслом. Для этого необходимо прибегнуть к переходному состоянию киргиз от кочевого образа жизни к оседлому» [13. Л. 104]. Развивая свою мысль, В.С. Цытович заключал: «Она может состоять в том, чтобы зимовки каждого аула соединять в одно или несколько селений, которые будут состоять из домов русской постройки и расположатся по утвержденным планам. Летом часть киргизов будут кочевать, а другая часть – оставаться в селениях и заниматься хлебопашеством; зимою же одни будут находиться при табунах, а другие останутся в деревнях и будут заниматься промышленностью и сельскими работами» [Там же. Л. 104 об.]. Показательно здесь, что рассуждения о мерах, направленных на постепенную трансформацию кочевых номадических обществ в оседлые земледельческие, Цытович сопровождал следующим пожеланием: «Так как киргизы очень дорожат наградами и разными знаками отличия, то для более успешного развития оседлости и хлебопашества между ними следует прибегнуть к системе поощрения и наград» [Там же. Л. 123].

Следует отметить, что в чиновном дискурсе 1880–1890-х гг. мотив «взросления киргизского населения» теряет своё напряжение и идеологическую актуальность, что во многом было обусловлено систематизацией переселенческого движения в степные районы, действием законодательства, ликвидацией традиционных потестарно-патриархальных институтов, рас-

пространением территориальной, судебной и налоговой системы по российскому образцу. В имперском сознании постепенно осуществлялась фиксация представлений о казахском обществе как о «своём», что находило отражение и во властном дискурсе. В данном отношении в отчётах представителей региональной бюрократии можно встретить определённую двойственность. Так, Акмолинский губернатор Ливенцов вполне в духе «цивилизаторской» риторики пишет: «Между киргизами южных уездов издавна ведётся хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской России, хорошо знакомых с ведением степного земледельческого хозяйства, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличивать свои запашки» [14. Л. 242]. «Кочевое киргизское население, – продолжает губернатор, – представляет почти нетронутую почву для образовательного влияния западно-европейской культуры. По историческим причинам киргизы долгое время находились в ближайшей связи с более образованными азиатами: татарами, бухарцами, сартами и др. магометанами, стремившимися подвести их духовно-нравственный мир, хотя внешним образом, под непонятные им догмы мусульманства» [Там же. Л. 242 об.]. Здесь же мы обнаруживаем совсем другой подход, в основе которого – признание экономического и культурного равенства и паритета русского и коренного населения: «Подобно другим степным областям Туранской низменности, Акмолинская область по племенному составу населения, хозяйственно-экономическому и общественно-гражданскому быту его представляет взаимодействие двух культур: русской оседло-земледельческой и туземной, киргизской кочевно-скотоводческой. При наблюдении интересов той и другой стороны внимание областной администрации обращено на разрешение главного вопроса – обоюдного соглашения этих интересов в целях общего благосостояния» [Там же. Л. 239]. Сближение властного и либерального сегментов общественно-политического дискурса по инородческому вопросу можно обнаружить и в следующих рассуждениях: «Что полезнее: или киргизы, которые снабжают не только свои местные, но и русские рынки предметами несомненно полезными и даже более – необходимыми?.. Если возможно было собрать статистические данные о том, сколько доставляется киргизами на рынки, за пределы местного края, предметов необходимости и пользы, если бы можно было вычислить, насколько такая доставка удешевляет предметы фабричной обработки, потребляемые всей Россией, тогда бы читатель увидел, что так называемые дикари-киргизы далеко не бесполезны для нас, чтобы не сказать более, и что поэтому задаваться фальшивой задачей обрусения киргизов, в смысле отнятия у них земли в пользу хлебопашцев, не следует, ибо это поведет к полному обеднению киргизов, к тому положению, при котором киргизы или укочуют за пределы России, или же обратятся в жалких нищих, никуда не годных пролетариев. Будет время, когда киргизы обрусуют сами собой, путем воспитания и постепенного развития»

[15. С. 136]. Одним из важнейших вопросов, являвшихся в стартовый период аграрной колонизации Степного края составной частью дискурса власти, был вопрос о месте, роли и значении казачьего элемента в освоении региона. Вполне естественно, что применительно к имперским планам аграрной колонизации степных областей проблема обустройства в регионе военно-служилого населения оценивалась в тесной связи с пониманием и урегулированием инородческого вопроса, а также мерами по устройству переселенцев – выходцев из европейской части страны.

Известно, что заселение окраинного региона в XIX в., осуществлялось по традиционным лекалам – за счёт военно-служилого элемента, преимущественно лиц казачьего сословия. Соображения защиты южных границ и охраны территорий от набегов кочевников приводили к постоянному увеличению в крае казачьего войска, достигшего к 1801 г., по утверждению Остафьева 6 000 душ м.п. [16. С. 5]. Сложившийся перекокс в пользу военного контингента в правящих кругах понимался двояко. С одной стороны, сложившаяся практика являлась удобной и понятной для местного чиновничества, поддерживаемого в отдельные годы генерал-губернаторской властью (Западно-Сибирской до 1882 г., далее Степным генерал-губернатором). С другой стороны, опыт казачьей колонизации, а также практические меры по ограничению земледелия среди переходящих к оседлому образу жизни кочевников наглядно демонстрировали бесперспективность подобных действий. В оценках содержания и результатов казачьей колонизации в дискурсе акторов власти присутствовали не только сходство, но и существенные несовпадения и разногласия.

Масштабы «казачье-инородческого» дискурса, по нашему мнению, были заданы в 1850–1860-х гг., когда тема русско-киргизских отношений впервые была озвучена обер-квартирмейстером корпусного штаба в г. Омске генералом И.Ф. Бабковым. Размышляя над историей этих взаимоотношений, он писал: «Не подлежит сомнению, что казаки эксплуатируют киргизов, у которых они к тому же заняли и лучшие места в степи для своих поселений и тем до некоторой степени стеснили кочевников, которым по образу жизни действительно необходимы для их стад обширные пастбища. Но, со своей стороны, и киргизы, несмотря на то что этих пастбищ, по сравнению с количеством имеемого у киргизов скота, оказывалось весьма достаточно, распространяли свои кочевья за пределы собственно киргизской степи, переходя со своими стадами в приграничные местности Томской губернии... Вообще при всех своих столкновениях с казаками киргизы вовсе не разыгрывали роль каких-то жертв казачьего насилия, как многие полагают, а при каждом удобном случае старались мстить казакам...» [8. С. 37].

Широкий дискурс о перспективах казачьей колонизации в Степном крае получил наполнение к 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии, пришедшей к выводу о бесперспективности казачьей колонизации внутри степи и выдвинувшей тезис об использовании свободной земледельческой и промысловой

колонизации, направленной на закрепление в регионе русской оседлости [5. С. 188]. В данном отношении казахская степь имела реальные шансы трансформироваться во внутреннюю окраину империи, однако военные действия, развернувшиеся в казахской степи как реакция на реформы 1868 г., поколебали представления административной бюрократии о смирении казахов. В результате вопрос о сохранении военных укреплений в Степном крае и казачества как военного сословия, призванного сочетать служилые функции с земледельческим трудом, продолжал оставаться злободневным.

Вместе с тем, по мере ослабления военной угрозы и прироста переселенческого контингента, уже во второй половине 1870-х гг. во властном дискурсе всё отчётливее раздаются критические комментарии по поводу казахской колонизации. Так, во Всеподданнейшем отчёте военного губернатора Акмолинской области за 1877 г. говорилось: «В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами, необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время эта необходимость миновала и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же по роду своей службы не могут систематически заниматься земледелием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным» [17. Л. 234].

Сочленение общественных настроений и представлений относительно потенциала казахской колонизации с представлениями о данном явлении во властном дискурсе достаточно ярко подтверждается общим негативным оценочным фоном. Авторы раздела издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 18. Киргизский край», общественно-политические деятели А.Н. Седельников, А.Н. Букейханов и С.Д. Чадов категорически заявляли: «Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели не были подготовлены к культурной роли... они выбрали другой, более лёгкий способ наживы – грабёж покорённого инородца и расхищение природных богатств» [18. С. 170]. Тот же настрой, демонстрировал в 1875 г. будущий генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Н.Г. Казнаков, докладывая Государю: «Сопредельные с ними [казахами] по линии казаки по малочисленности своей не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем безвредные, привычки кочевого народа» [16. С. 7]. Куда более категоричным в своих оценках казахской колонизации оказался войсковой старшина Ф. Усов: «Проезжавшие по казахской линии туристы, наблюдатели и ученые выносили впечатление о крайней бездеятельности, праздности, апатии и лени станичных жителей, особенно мужчин. Нелюбовь к неустанному труду объясняется нелюбовью к хлебопашеству» [Там же. С. 7–8].

Показательно, что Ф. Усов, будучи адептом казахской колонизации Степного края Западной Сибири, признавал факт несостоятельности земледельческих усилий лиц казахского звания. По мнению Ф. Усова, регулярная военная служба и правительственный кошт приучили сибирских казаков к беззаботности в связи с удовлетворением собственных жизненных потребностей, а военные экспедиции в степь с целью экспроприаций кочевников развили привычку к лёгкой наживе и праздности [19. С. 264].

Генерал И.Ф. Бабков, уже в бытность свою председателем ЗСОИРГО, пересмотрев отчасти собственные взгляды на казачий сегмент в аграрной колонизации края, свидетельствовал, что «подобные переселенцы, обеспеченные на первое время продовольствием от казны, с самого начала приучаются к лености и мало заботятся о хлебопашестве» [16. С. 7].

В практической плоскости акцент на казахском заселении казахской степи, принявшем, по выражению В.А. Остафьева, «искусственно-принудительный» характер [Там же] и вполне удовлетворявшем военным целям, не способствовал экономическому развитию региона. Более того, все усилия сибирской администрации превратить казака в земледельца и хозяина успехом не увенчались. Согласно статистическим сведениям количество семей, не занимавшихся земледелием, в среднем по Сибирскому казахскому войску достигало 30%, а в отдельных станицах 48% [Там же]. Таким образом, становилось ясно, что преобладание казахского элемента в колонизации степных районов Западной Сибири не только не способствовало распространению земледелия, но и отрицательным образом воздействовало как на культурный облик коренного населения, так и на казачество, которое стремительно теряло продуктивность в качестве культуртрегера и проводника земледельческих практик в Сибири.

Именно критическое отношение к результатам казахской колонизации, вследствие которой потенциал казачества как земледельческого актора был поставлен под сомнение, утвердившееся в представлениях и риторике центральной и региональной бюрократии, способствовало изменению содержания дискурса по вопросу о путях и средствах аграрной колонизации Степного края, а ссылки на неэффективность казахской колонизации и инородческого землепользования становились важным действующим аргументом в практической деятельности. Н.Г. Казнаков, уже в бытность свою генерал-губернатором, сознавая вполне, что казачий элемент в деле колонизации не имеет никакого культурного влияния, во Всеподданнейшем отчёте поднял вопрос о необходимости заселения степных областей русскими переселенцами-крестьянами, причем писал, что «осторожное, без стеснения кочевого населения водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [Там же. С. 12].

О важности и полемичности самой проблемы в 1888 г. докладывал во Всеподданнейшем отчёте Акмо-

линский губернатор генерал-майор М.А. Ливенцов: «С увеличением в области оседлого населения не может не стесняться простор киргизских степей и традиционное скотоводство кочевников не имеет уже прежних размеров. При зависимости скотоводческого промысла от изменчивых условий степной природы (сплошной неурожай трав, гололедица, бураны и пр.) главное занятие кочевников не представляет прочно обеспеченного источника народного богатства и продовольствия, а потому вопрос о развитии земледельческой культуры в степи является вопросом времени и особенно разногласия» [14. Л. 241 об.].

По сути дела, отдельные высказывания представителей высшей региональной бюрократии, в частности заявление М.А. Ливенцова о дискуссионном характере вопроса о распространении земледельческой культуры в степных районах Западной Сибири, наглядно демонстрируют знаковые изменения в расстановке акцентов дискурса, в котором происходит своеобразная рокировка основных субъектов колонизации (казак, киргиз, русский переселенец), по степени значимости, с точки зрения властных структур. И здесь мы обнаруживаем наметившееся сближение либерально-публицистического и властного сегментов общественно-политического дискурса, помещавших переселенческие практики в центр обсуждения. Так, научные эксперты, представленные по большей части приверженцами народнических настроений и интересов, утверждали, что «крестьянская колонизация степи принесла уже ту культурную пользу, что разобщила киргиза-номада от казака, влиявшего на него крайне деморализующим образом, и познакомила его с более симпатичным оседлым населением и оседлой жизнью, и самая главная польза колонизации степи не казаками с стратегическими целями, а крестьянами» [5. С. 193]. Всё это оказалось в полной мере созвучно и властному дискурсу: представитель Главного управления землеустройства и земледелия Г.Ф. Чиркин, посетив Семиречье, громко заявил о необходимости и неизбежности поощрения крестьянской колонизации: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей...» [20. С. 103]. В.А. Остафьев, суммируя полемическую общность участников дискурса, констатировал, что данный взгляд на колонизацию степных областей встретил поддержку и симпатию в высших петербургских сферах, что в конечном итоге привело к образованию при Главном управлении комиссии, призванной выработать положение о порядке колонизации степи и образовании поселений на киргизских землях [16. С. 8].

В то же время стоит отметить, что по мере интенсификации переселенческого движения в Степной край и возникновения прикладных проблем, связанных с обустройством миграционного контингента, во властном дискурсе, в особенности регионального уровня, обнаруживались существенные оппозиции, охватившие сферы инородческого и казачьего землепользования, а также обустройства в степных районах мигрантов из европейской части страны.

В частности, в печатных изданиях того времени автор статьи «Переселенческий вопрос в Западной

Сибири», назвавший себя Очевидцем, рассказывает следующее: «Первые переселенцы появились в Акмолинской области при губернаторе Цытовиче и генерал-губернаторе Казнакове, именно в 1876 г. Цытович не был приверженцем заселения степных областей крестьянами, и если допустить переселенцев на киргизские земли, то сделать это в ограниченном размере, так сказать для пробы – именно для испытания как отношений, которые должны установиться между киргизами и крестьянами, так и того, насколько крестьянское заселение будет полезно для края. Заступивший на место Цытовича губернатор Ливенцов был решительным противником поселения крестьян в области, выходя из точки зрения интересов киргизского населения» [16. С. 9]. Этот различный взгляд в воззрениях генерал-губернаторов и местной администрации, по мнению В.Остафьева, загубил и затормозил дело колонизации степи, начатое Казнаковым [Там же].

Обращаясь непосредственно к дискурсу, запечатлевшему мнения высшей региональной и местной власти, действительно легко обнаружить определённые несходства.

Так, в отчёте М.А. Ливенцова читаем следующее: «Вопрос о колонизации киргизской степи в принципе еще не решенный и никаким законодательным положением не регламентирован, и потому для прекращения беспорядочного переселения русских крестьян в Степной край по распоряжению г. Главного Начальника края с 15-го марта отчетного года для устройства самовольно прибывших до 15-го марта переселенцев была командирована особая комиссия с поручением собрать сведения о всех переселенцах в области и определить пункты для оседлых поселений, представить соображения об окончательном образовании таких поселений в Акмолинской области с тем главным условием, чтобы наделение российских переселенцев землей производилось без стеснения кочевого населения в землепользовании» [14. Л. 241].

Точка зрения Н.Г. Казнакова была озвучена им также в документе отчётной категории: «Что касается хлебопашества в киргизской степи, то мне кажется, желательнее было бы усилить его настолько, чтобы оно соответствовало по меньшей мере местной потребности киргизов в хлебе. Иначе они должны будут постоянно покупать его вне пределов обитаемых ими областей и оставаться в зависимости от урожаев в соседних губерниях. Кроме того, распространение хлебопашества между киргизами побудит их сократить свои отдаленные перекочевки, что значительно облегчит управление ими, крепкие к земле, они дорожили бы своим полевым хозяйством и не пытались бы удалиться со своими стадами за пределы обитаемых ими областей, если бы, по примеру прежних лет, между ними возникли какие-либо волнения, которые тем скорее могли быть усмирены...» [21. Л. 342 об.].

В заочной полемике Западно-Сибирского генерал-губернатора и губернатора Акмолинской области, по сути дела, обозначились два варианта репрезентации способов аграрной колонизации региона, определённые В.А. Остафьевым как два течения в административной политике: прогрессивное, представленное

высшей региональной администрацией, и сдержанное, адептами которого выступали чиновники на местах [16. С. 9]. Сдержанная позиция местной администрации, а в данном случае речь идёт о позиции губернатора области, наиболее интенсивно вовлечённой в земледельческое освоение, была понятной, поскольку наплыв переселенцев неизбежно способствовал нарастанию конфликтности в отношениях между всеми категориями населения края. Сторонники сдержанной позиции, в числе которых преобладали представители местной администрации, решения об увеличении переселенческого движения в Азиатскую Россию воспринимали, как правило, резко негативно, ввиду того что были непосредственно знакомы с особенностями хозяйства кочевников и отлично понимали, что «переселение, вследствие столкновения с интересами аборигенов колонизационных районов, ведёт к возникновению аграрного вопроса и в Азии, правда не в такой острой форме, как в Европейской России, но тем не менее болезненно переживаемого местным населением» [22. С. 19–52].

Симптоматично, что «сдержанный» подход к реализации проекта аграрной колонизации Степного края дискурсивно был зафиксирован и в решении особой комиссии от 6 февраля 1888 г., пришедшей к заключению о том, что колонизация Акмолинской и Семипалатинской областей желательна, но при соблюдении трех условий: 1) согласования её с распоряжениями правительства «о переселениях из внутренних губерний»; 2) если окажется, что оседлые русские поселения в степи представляют залог к дальнейшему преуспеванию; 3) если водворение таких переселений не отразится вредно «на благосостоянии кочевников» [23. Л 38 об.]. Попытки «сдерживания» аграрной колонизации не противоречили имперскому вектору организации управления и хозяйственной жизни в пределах отдалённых окраин. Один из выводов, указанных в записке, составленной после поездки Столыпина и Кривошеина в Сибирь и Поволжье в 1910 г., обращал внимание на потребность «продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятий земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства и облегчением аренды киргизских земель переселенцами: от широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность» [24. С. 129].

Логика местной администрации в организации колонизационного процесса наиболее наглядно выразилась как раз в действиях губернатора М.А. Ливенцова, который в ответ на просьбу 272 крестьянских семей разместить их на избранных участках отказал, мотивируя тем, что переселенцами были выбраны лучшие места, входящие в круг инородческих кочевий и расположенные в значительном удалении от тракта, что выведет крестьян из поля зрения местной администрации [16. С. 10–11]. Подобная точка зрения крайние формы приобрела в начале 1880-х гг., когда генерал-губернатор Степного края Колпаковский катего-

рично заявил, что Акмолинская область не может быть заселена русскими поселенцами, потому что здесь нет пригодных для аграрного освоения земель, а если и есть, то они целиком и полностью принадлежат киргизам, хорошо приспособленным к местным условиям [16. С. 11].

Показательно, что отражённый в дискурсе «конфликт администраций» привёл к временному приостановлению официальной колонизации свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей, сопровождаемому целым рядом предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в пределы края бродячих масс переселенцев» [Там же. С. 12].

Определённое влияние на содержание и интонацию властного дискурса по исследуемому вопросу оказывал фактор сословной замкнутости казачества, что само по себе являлось препятствием к свободному ходу аграрной колонизации и фиксировалось чиновниками на местах: «Территория казачьих поселений недоступна для пришлого, не казачьего элемента: это собственность сословная, на ней можно поселиться под двумя непременимыми условиями: требуются согласие общества и перечисление в казачье сословие, но такое жительство имеет характер временный и не сопряжено с участием общественном казачьем управлении, с правами на известные даровые паи в казачьей земле, – словом, живущий на казачьей земле, хотя бы и постоянно, но только не казак, не пользуется правами “казачьей гражданственности” как совершенно чуждый, пришлый элемент, стоящий вне казачьей организации. Ввиду этого, а также и ограниченности казачьей территории, последняя – для переселения крестьян, так сказать, закрыта. Остаются казенные земли, заселенные киргизами» [15. С. 128].

Развивая этот тезис, Г.Е. Катанаев, находившийся в должности начальника казачьего отделения штаба Западно-Сибирского военного округа, с изрядной долей симпатии подчёркивал, что в быту казак сам «полукиргиз» и потому более привычен казаху, чем крестьянин или мещанин, ещё не спешившие с киргизами и не понимающие друг друга [5. С. 197]. Не случайно, что с увеличением переселенческого контингента и, как следствие, обострением поземельных отношений центральное место во властном дискурсе всё чаще стал занимать вопрос о культурных совпадениях и противоречиях основных групп населения края. Чиновники, представляющие различные уровни административной власти, неоднократно фиксировали «чужеродность» пришлого переселенческого элемента, подчёркивая, в противовес, наличие культурного сходства у казачества с коренным населением. На вопрос Г.Е. Катанаева о распространении среди казачества бытовых привычек и использования инородческого наречия, один из казаков уверенно парировал, что «по-киргизски нельзя нам не говорить, потому что с киргизским языком можно всю степь изойти... русский язык не киргизский, ему скоро не выучишься...» [25. С. 23].

В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землёй и праве ею безраздельно распоряжаться. Очевидцы и непосредственные участники переселенческого дела в степных районах отме-

чали, что «переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам как к пасынкам» [26. С. 173].

Подобного рода настроения вызывали серьёзные опасения у администрации и фиксировались на делопроизводственном уровне властного дискурса. Рапорты уездных начальников военному губернатору под грифом «совершенно секретно» содержат частые упоминания о вероятности прямого столкновения крестьян и казаков: «Из происходивших и подслушанных разговоров я заключил, что как киргизы в степи, так и татары г. Омска очень враждебно относятся к русским, что ясно из того, что по отношению к русским слышатся угрозы...» [27. Л. 1]; «Киргизы Омской волости и уезда: Байбатыр Кулабаев, Дюсет Тыстай Джюзюмовы и киргизы, фамилии которых не знают, но в лицо узнают, и вообще киргизы, которые живут около поселка, угрожают, что когда большинство из них, т.е. крестьян, заберут в солдаты, то киргизы разорят и сожгут поселки, а все население перебьют» [Там же. Л. 7]; «За последние дни с разных сторон уезда идут самые разнообразные слухи о намерениях и злоумышлениях киргиз. Почти во всем уезде слышатся от крестьян жалобы, что киргизы собираются по уходу запасных нижних чинов причинить оседлому населению большой вред. «Пусть только уйдут солдаты... мы вытопчем лошадыми крестьян, оскорбим их баб», при этом добавляют, что «когда-нибудь и наша возьмет» [Там же. Л. 9]; «Кииминский волостной старшина рапортом от 16 июля 1900 г. за № 2049 донес мне, что казачка поселка Имантавского Залиха Абдул Тагиева Сулейменова, проживающая в селении Самарском, заявила ему, что какой-то киргиз, называвший себя из рода Таракты, предупреждал ее как мусульманку, чтобы она выехала из селения, так как все русские будут вырезаны. По-

добного рода заявления, по донесению волостного старшины, поступали к нему уже несколько раз. Кроме того, слухи, что киргизы будто бы готовят противоправительственное движение, упорно носят среди русского населения уезда» [27. Л. 23].

Представитель местной власти, петропавловский полицмейстер, в рапорте по ситуации в регионе излагал: «Киргизы, недовольные тем, что при заселении края крестьянами из Европейской России часть занимаемых ими прежде земель отошла под русские поселки, якобы стали в настоящее время во многих местах высказывать довольно открыто, что с уходом казаков в Китай на войну они, киргизы, силою возьмут эти места обратно, причем якобы высказывали крестьянам угрозы, что если последние не отдадут занятых под их поселки земель добровольно, то они, киргизы, крестьян перережут, а сами поселки выжгут» [Там же. Л. 32].

Таким образом, вопрос о перспективах аграрной колонизации Степного края Западной Сибири с различной степенью интенсивности был вовлечён во властный сегмент общественно-политического дискурса и решался с точки зрения имперских задач, в числе которых продолжительное время доминирующей являлась идея военного «присвоения» региона. Вместе с тем динамичный рост переселенческого движения в степные районы постепенно видоизменял тональность и содержание дискурса, настраивая отдельных представителей высшей региональной бюрократии на признание эффективности земледельческих практик. В результате на рубеже XIX–XX вв. окончательно оформились два подхода к оценке возможных вариантов аграрной колонизации региона: прогрессивное и сдержанное, в системе координат которых центральные и региональные власти пытались обнаружить оптимальные пути инкорпорации региона в общеимперский конструкт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирь* в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
2. *Осокин Г.М.* Московия на Востоке // Русский разлив. «Арабески истории». М. : ДИ Дик Танаис, 1996. Т. 2.
3. *Ремнёв А.В.* Западно-Сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (биографические очерки) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX в.) : краеведческий сборник / под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994.
4. *Бриген А. Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1986.
5. *Ремнёв А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013.
6. *Государственный исторический архив Омской области* (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2071.
7. *Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе.* Собр. 1 апреля 1861 г.) // Век. 1861. № 22.
8. *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912.
9. *Автобиография А.О. Дюгамеля* // Русский архив. 1885. № 7. С. 12.
10. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11285.
11. *Об управлении инородцев* : Высочайше утвержденный Устав 22.07.1822 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29126. СПб., 1830.
12. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315.
13. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1.
14. *Центральный государственный архив республики Казахстан* (далее – ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 395.
15. *Очевидец.* Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. 1891. № 8. 1 авг.
16. *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск, 1877.
17. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15380.
18. *Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д.* Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1903. Т. 18: Киргизский край.
19. *Краснов Н.* Народонаселённость и территории казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4.
20. *Чиркин Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., [б./г.].
21. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13334.
22. *Шкапский О.* Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1.
23. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 4230.
24. *Поездка в Сибирь и Поволжье* : записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб. : Тип. Суворина, 1911.

25. Катанев Г.Е. Хлебопашество в Бельгачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II.
26. Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000.
27. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3722.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2015 г.

PROSPECTS OF THE AGRARIAN TERRITORY DEVELOPMENT OF THE STEPPE REGION IN THE COLONIZATION PLANS OF THE RUSSIAN POWER IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 196–206. DOI: 10.17223/15617793/401/29

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Tokmurzaev Bakyt S. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Keywords: agrarian colonization; steppe region; imperial discourse; power factor.

In the given article the authors focused their attention on discussing the prospects of agrarian colonization of the steppe region of Western Siberia in the power segment of the social and political discourse in the second half of the 19th – early 20th centuries. During this period the steppe region, as a geographical and geopolitical space, began to be considered by the authorities and society as an important bridge between Russia and the East, an object of conflict of economic and political interests of different states. In this context, it is important to identify the factors and conditions of the embodiment of public interest in relation to the poorly developed agricultural area, which found expression in individual statements, programs and project activities of power factors aimed at the gradual integration of the steppes into the empire. Obviously, the process of “appropriation” of the remote area in the tradition of the government approach combined with the regional specificity: geographically distant suburbs, multi-ethnic and multi-religious composition of the population, etc. This regional specificity identified the key positions and differences in the approaches to the strategic issues of colonization of the West Siberian steppe regions. During the 19th century, the visions of the central and regional authorities in regard to the Siberian autochthons in general preserved their guarding activities and were characterized by important changes determined by the course and the logic of colonization. The quantitative growth of the Slavic population due to migration, existing penitentiary and exile hard labor practices, natural population growth were a natural background in which these changes took place. The reduction of income from mining the “soft stuff” led to a change of state economic priorities and, eventually, to the reorientation of the regional national economy on other sectors. The discourse associated with the determination of the possible colonization of the West Siberian steppe areas developed in a certain historical context, in which the natural growth of migration movement was impossible to stop. A significant wave of the peasant population in the steppes of Western Siberia contributed significantly to the “break-down” of an extremely conservative and restrictive approach to the agrarian colonization of the steppes in the second half of the 19th century. By the mid-1870s, the ground for making practical decisions in the field of the agrarian question concerning the steppe zone of the colonized region was mainly prepared. In fact, for the first time the steppe region of Western Siberia became a basis for the implementation of the imperial projects for its “right”, with a focus on agricultural development, colonization. Thus, the question about the prospects of the agrarian colonization of the West Siberian steppe regions with varying degrees of intensity was involved in the power segment of the social and political discourse and solved in terms of the imperial problems, among which was a long dominating idea of the military “appropriation” of the region. However, the dynamic growth of the resettlement movement in the steppe regions gradually modified the tone and content of the discourse, sensitizing individual regional representatives of the higher bureaucracy for recognition of the efficiency of agricultural practices. As a result, at the turn of the 19th and 20th centuries, two approaches to the evaluation of options for the agrarian colonization of the region, progressive and restrained, finally took shape. In the system of their coordinates, the central and regional governments found best ways of incorporating the region into the empire-wide construct.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Osokin, G.M. (1996) *Moskoviya na Vostoke* [Muscovy in the East]. In: Kurkchi, A.I. (ed.) *Russkiy razliv. “Arabeski istorii”* [Russian flow. “Arabesques of history”]. V. 2. Moscow: DI Dik Tanais.
3. Remnev, A.V. (1994) *Zapadno-Sibirskie general-gubernatory pervoy poloviny XIX v. (biograficheskie ocherki)* [West Siberian governors-general of the first half of the 19th century (biographical sketches)]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Stranitsy istoricheskogo proshlogo Omska (XIX – nachalo XX vv.): kraevedcheskiy sbornik* [Pages of the past of Omsk (19th – early 20th centuries): a collection of local history]. Omsk: Omsk State University.
4. Brigen, A.F. (1986) *Pis'ma. Istoricheskie sochineniya* [Letters. Historical writings]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The colonization of Asian Russia: Imperial and national scenario, the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Nauka.
6. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File 2071. (In Russian).
7. Anon. (1861) *Politiko-ekonomicheskiy komitet pri Imperatorskom Russkom geograficheskom obshchestve. Sobr. 1 aprelya 1861 g.* [The Political and Economic Committee of the Imperial Russian Geographical Society. Meeting of April 1, 1861]. *Vek. 22*.
8. Babkov, I.F. (1912) *Vospominaniya o moyey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri* [Memories of my service in Western Siberia]. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma.
9. Dyugamel', A.O. (1885) *Avtobiografiya* [Autobiography]. *Russkiy arkhiv. 7*.
10. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 7. File 11285. (In Russian).
11. Russian Empire. (1830) *Ob upravlenii inorodtsev: Vysochayshe utverzhdenny Ustav 22.07.1822 g.* [The imperially approved Charter of 22 July 1822]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XXXVIII. No. 29126. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
12. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 8. File 13315. (In Russian).
13. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 7. File 11587. T. 1. (In Russian).
14. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. Kn. 1. File 395. (In Russian).
15. Anon. (1891) *Ochevidets. Pereselencheskiy vopros v Zapadnoy Sibiri* [Witness. The resettlement issue in Western Siberia]. *Nabyudatel'. 8*. 1 August.

16. Ostaf'ev, V. (1895) Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic economy]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva*. XVIII:II.
17. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 9. File 15380. (In Russian).
18. Sedel'nikov, A.N., Bukeykhanov, A.N. & Chadov, S.D. (1903) Istoricheskie sud'by Kirgizskogo kraya i kul'turnye ego uspekhi [Historical fate of the Kyrgyz region and its cultural achievements]. In: Semenov, V.P. (ed.) *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva* [Russia. A complete geographic description of our homeland]. V. 18. St. Petersburg: izdanie A.F.Devriena.
19. Krasnov, N. (1878) Narodonaselennost' i territorii kazakov Evropy i Aziatskoy Rossii [Population and the Cossack territories of Europe and the Asian part of Russia]. *Voennyi sbornik*. 4.
20. Chirkin, G.F. (1908) *Polozhenie pereselencheskogo dela v Semirech'e* [The resettlement issue in Semirechensk]. St. Petersburg.
21. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 8. File 13334. (In Russian).
22. Shkapskiy, O. (1907) Pereselentsy i agrarnyy vopros v Semirechenskoy oblasti [Resettlers and the agrarian question in Semirechensk area]. *Voprosy kolonizatsii*. 1.
23. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. Kn. 1. File 4230. (In Russian).
24. Stolypin, P.A. & Krivoshein, A.V. (1911) *Poezdka v Sibir' i Povolzh'e: zapiska P.A. Stolypina i A.V. Krivosheina* [A trip to Siberia and the Volga region: a note by P.A. Stolypin and A.V. Krivoshein]. St. Petersburg: Tip. Suvorina.
25. Katanaev, G.E. (1893) Khlebopashestvo v Bel'agachskoy bezvodnoy stepi Altayskogo gornogo okruga [Arable farming in the Bel-Agach waterless steppe of the Altai Mining District]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva*. XV:II.
26. Churkin, M.K. (2000) Vzaimootnosheniya pereselentsev i starozhilov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. v prirodno-geograficheskom, sotsial'no-psikhologicheskom, etnopsikhologicheskom aspektakh [Relations between resettlers and old-timers in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries in the natural-geographic, socio-psychological and ethno-psychological aspects]. History Cand. Diss. Omsk.
27. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 369. List 1. Kn. 2. File 3722. (In Russian).

Received: 09 June 2015